

1. www.consultant.ru/law/hotdocs/7690.
2. [Ядов В.А.](#) К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества// http://www.isras.ru/blog_modern_1.htm
3. Рывкина Р.В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен: Курс лекций. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. Лисичкин Г.С. Капкан для реформаторов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.
5. Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры общества// Общественные науки и современность. – 2002. - № 2.
6. Основы политической науки. Учебное пособие для высших учебных заведений. Часть I. – М.: Общество «Знание» России, 1993.
7. Восленский М. Номенклатура. – М.: Издательство “Советская Россия”, 1991.
8. Игнатовский П. Экономические интересы// Экономист. - 2002. - № 3. – С. 28-39.

Толок С.Н.,
г. Краснодар

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ НАРРАТИВНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Практически в каждой семье война оставила свой след, горечь утрат, уникальные свидетельства участников и очевидцев этой тяжелой для страны эпохи. Вместе с тем, взгляд на войну, ее восприятие и переживание, были различными у солдат действующей армии и гражданского населения, у мужчин и женщин, взрослых и детей.

Мировоззрение людей, их взгляды на различные стороны действительности, их ценности и установки формируются весьма сложным образом: как в результате их повседневного бытия, жизненного пути, приобретаемого опыта, так и под влиянием внешних по отношению к обыденной жизни человека сил, в том числе в результате пограничных экстремальных ситуаций.

В исторической памяти о войне всегда существовали несколько способов трансляции, связанных как с идеологической сферой, так и с народными представлениями о войне. Наряду с книгами о героизме и страданиях народа-победителя, художественными и документальными фильмами, монументальными памятниками, на знание об освобождении края продолжают оказывать влияние ещё живые очевидцы и участники событий 1943 г. Одни и те же люди нередко становятся носителями обоих нарративов, что выливается нередко в гибридные, вторичные формы народной истории.

Существовали как бы две адресные аудитории воспоминаний о войне с разными культурными функциями. Если первая обращалась к гражданину страны, участвовавшей и победившей в самой грандиозной и кровавой в истории человечества войне, то вторая была обращена к слушателю как члену малой группы, семейной или соседской.

Собранные воспоминания рождают разные мысли, в том числе и не укладывающиеся в утвердившуюся в советское время идею о всеобщем патриотизме и героизме, о всеобщей ненависти к немцам, об «эффективности направляющей силы партии», о лучшем советском вооружении, о богатой духовной жизни в русских деревнях, совхозах и колхозах. Но знать все это, воспринимать всю многогранность, сложность и неоднозначность ситуации, – не значит умалять заслуги советских людей в войне, подвергать сомнению их патриотизм. Именно полное знание всех элементов войны дает основание с большей доказательностью говорить о величии советской победы, об упорстве, талантливости, трудолюбии «маленьких» людей, рядовых бойцов сумевших остановить хорошо вооруженного и экипированного для

молниеносной войны врага, а затем и изгнать его с территории нашей Родины.

Все интервью пронизаны болью, тяжелыми воспоминаниями об этих годах. Все респонденты говорили о трудностях, голоде. Вообще тема голода одна из часто встречающихся в рассказах респондентов. Хотя, наверное, прочувствовать в полной мере может лишь тот кто это пережил. Война – это всегда трудности, которые даже не могут быть поняты в полной мере современным поколением. Как писал в свое время Э. Эренбург «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи».

Одним из центральных мотивов современных воспоминаний о Великой Отечественной войне выступает цена победы. Ревизия образа Великой Отечественной войны в последнее двадцатилетие вызвала негативную реакцию в народной памяти, придала символам войны консервативную устойчивость.

В то же время в исторической памяти кубанских станиц произошли интересные трансформации образа врага. Наряду с традиционными стереотипами убийцы и насильника, виновника пережитых страданий, встречаются размышления о том, что «немец тоже человек, чей-то брат, отец, сын, что его тоже ждали дома, и пришёл он на чужую землю, скорее всего, не по своей воле».

Таким образом, в пространстве народной памяти присутствуют как традиционные архетипы и символы, так и современные формы, которые дробят некогда монолитный символ героической борьбы с захватчиками на множество символов коллективных и личных трагедий. Освобождение края выступает опорным атрибутом национального самосознания станичников, бесспорным достижением, которым можно и должно гордиться. Ещё живущие представители фронтового поколения воспроизводят во многом устоявшиеся тексты. Но функционирование этих меморатов в иных, чем

ранее, социальных условиях, придаёт устным воспоминаниям нередко совсем другие черты и новые социальные функции: самоидентификации через защиту самой памяти о войне и протест против попыток унижения национальных чувств народа-победителя, психологической разрядки посредством эмоционального переживания, социализации через обращение к неприветствуемым в прошлом деталям «негероической» фронтовой повседневности и др. В условиях распада связи времён и поколений, разрушения системы ценностей и социальных ориентиров величественный образ Победы, её нелёгкая цена в устной истории фронтовиков остаются нередко последним рубежом обороны Отечества.

Преодоление внутренних и внешних штампов в современных рассказах о войне позволяет расширить и наши знания о многих деталях военной повседневности.

Так подтвердилась, выдвинутая в ходе исследования гипотеза о том, что среди структур военной повседневности на первый план выдвигаются структуры социально-экономического характера, связанные с необходимостью элементарного выживания и в первую очередь труд, который давал возможность получить пищу), структуры идейно-патриотического плана актуализированы в воспоминаниях гораздо в меньшей степени. Среди структур духовно-культурного блока особую значимость имеет вера, но не столько в религиозной форме, как общая уверенность в победе, в скором завершении войны.

Таким образом, в пространстве народной памяти присутствуют как традиционные архетипы и символы, так и современные формы, которые дробят некогда монолитный символ героической борьбы с захватчиками на множество символов коллективных и личных трагедий. Освобождение края выступает опорным атрибутом самосознания жителей края – современников войны, бесспорным достижением, которым можно и должно гордиться.

Ещё живущие представители фронтового поколения воспроизводят во многом устоявшиеся тексты. Но функционирование этих меморатов в иных,

чем ранее, социальных условиях, придаёт устным воспоминаниям нередко совсем другие черты и новые социальные функции: самоидентификации через защиту самой памяти о войне и протест против попыток унижения национальных чувств народа-победителя, психологической разрядки посредством эмоционального переживания, социализации через обращение к неприветствуемым в прошлом деталям «негероической» фронтовой повседневности и др.

Значительная категория респондентов – это родившиеся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Соответственно комплекс воспоминаний о войне у респондентов выглядит многослойным и иногда противоречивым, что объясняется помимо личных детских впечатлений, вторичными опосредованными образованием, пропагандой, знаниями. Но именно детские впечатления дополняют картину войны большим количеством деталей, фактов, эмоциональных переживаний и позволяют сделать ее более полной.

Тохтобина О.Л.,

г. Абакан

РОДОВИТОСТЬ И ПАССИОНАРНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ХАКАССКОГО ЭТНОСА)

Понятие и теория пассионарности до сих пор вызывает у исследователей неоднозначное отношение. Между тем, в нашу эпоху напряжения инновационных ресурсов имело бы смысл более пристально и практично присмотреться к наследию Л.Н. Гумилева. Тем более что в любой спорной теории всегда есть доля бесспорности. Мы попытаемся внести ясность в концепт пассионарности, сопоставляя его с феноменом родовитости.